

Сундаков Виталий
ЭПИДЕМИЯ ЛЮБВИ

Содержание

Сундаков Виталий	3
ДАО	15
БИТВА ЛЮБОВЬ	20
МЕНТАЛЬНЫЕ ОБМЫЛКИ	36
ЧЕРНО-БЕЛАЯ ПУТЕГРАФИЯ	38
АНГЕЛ ДОЖДЬ	53
П.ОСВЯЩЕНИЯ	58
НЕДОНОШЕННЫЕ ЖИЗНИ	65

Сундаков Виталий ЭПИДЕМИЯ

Сундаков Виталий ЭПИДЕМИЯ ЛЮБВИ КНИГА ДРУГАЯ СТИХИЙное

Приложением к книжке, и к жизни, и к сердцу,
Приоткрывшему книгу как тайную дверцу,
Из тетрадок пиита ушедшего века,
от уже не чужого тебе человека.

Выписка из архива Межгалактического кооператива по учёту существ и особей, поглощающих производные солнечной активности.

Каталог «Население солнечной системы», том 2007, стр. 10, абзац 7.

Место жительства наблюдаемого: предпочёл для изучения одноразовой жизни поверхность Ра – третьей планеты Солнечной системы.

Наблюдаемый: Сундаков Виталий Владимирович (СундаРа)

Период жизни: Кайнозойская эра, Голоценом (67-й миллион лет послеледниковой эпохи), XX – XX! века.

Имеет множество имён. Исповедует все религиозные воззрения, имеет базовые навыки и знания основных человеческих профессий.

Миссия: Свидетель жизни

Диагноз: Vita (Жизнь обыкновенная)

Симптомы: письменная аритмия земной любви к особам женского пола: (напр. «Жизнь», «Истина», «Природа»,

«Родина», «Судьба», «Женщина», «Ты»).

Период наблюдения: с 7 октября 1957 года.

ДОПЕРЕДПРЕДОМНОГОСЛОВИЕ

Внимание!

Страдающим ментальной клаустрофобией летать вне стаи категорически рекомендуется.

ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ

Молвлю я сейчас ТАКОЕ!
Что взовьётся ад от воя.
Что на всё придут ответы.
Что зайдутся все газеты!
Что слепцы прозреют разом!
Что стошнит вселенский разум!
Что богам – упасть, не встать!!!

...Что же я хотел сказать?

ВАРВАР (акрологостих)

Варвар вправе выжать вдохновенье,
Из
тягучей тверди трудных троп:
Азимут
Любовный
исцеленья;
Йоту
Словом
Умертвлённых
нот;
Дерзость – декламировать
аккорды;
Каламбуром колебать канон...
Осознав однажды обречённо
Высшую возможность – выйти вон!

НЕЖНАЯ ИСТЕРИКА У ЧУЖОГО БЕРЕГА

Эка дурость – смякнуть словом.
Эка тайность – крепнуть делом
В мире нашем черно-белом.
А попробуйте очнуться,
Рассупониться, взметнуться.
Потянуться за звездой,
Не рукою.

У-УПС-С

Бог в космосе,

Наверное, скучал.
Себя изучал.
По звездной пыли,
Мечтая, брел
И...!
Мир изобрел.
Слово обронил –
свет породил.
Землю создал,
души роздал, –
вылепив пару тел.
Разных.
Наверное, прекрасных.
Потом посмотрел,
прикинул, и подумал:
– Ну, я и удумал!

№0

Наступил на огромного чёрного таракана, нечаянно,
Маленький, белый, с прожилками синими слоник.
Фолианты научных томов заслонили своими телами
Изрезанный нервными рифмами томик.

Всё! – устала калёная цепь от собачьего лая спесивого,
И тошнит моряка от лазурного моря, ужасно красивого.
Он отдал бы все то, что надёргал из моря сетями,
За козюлю земли под обгрызенными ногтями.

Возвращает дефисом война от приказов – до сказок
Сапогом по лицу, босиком по траве, кувырком из салазок.
И обида зелёной слюной за карманами щёк пузырится...
Может, вылизать кошку и в птичьем гнезде умаститься?

НЕПОПРАВИМАЯ ПРАВЬ

Я исправлю огрехи,
оставив грехи,
так, как правлю стихи,
оправляя их в правду.
Жаль судьбы не поправить,
поправ все права,
как себя я расправил,

отправив от правил.

ВСПОМИНАЯ МОЛИТВУ КО ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЕ

Пресвятая Владычице Дево,
Непорочная Матерь всего
Покровительнице и упование
Ты спасения моего!
Ныне вновь я хочу отлучиться,
в многотрудный се путь предлежащий.
Ибо ведаю, не течет водица,
под недвижимый камень лежащий.
Отправляшись на праведно дело,
Свою душу и бренное тело
Всесвятая вверяясь Тебе,
Превручаю на время сие.
Во смотрение Твое крепкое,
И всесильную помощь Твою.
Богородице, Одигитрие,
покаянно я Тя молю.
Буде мне Ты, во всем помощницей,
Руководствуй мя на Пути,
Наипаче же, в даях дальних,
Ты направи мя и соблюди.
Под державным покровом Твоим,
Да не ползок путь будет моим
Мирна Ангела, верна хранителя,
Дево дай.
И незримого неба силою, – охраняй.
И от видимых враг, и невидимых,
живота моего
Во все дни охрани и от многих,
Не забыв одного.
От скорбей и от бед находящих
Огради.
И всецела к жилищу мя отчему

Возврати.
Дай, летящим к своей мечте,
Путь и Истина сый, Христе,
Ныне, присно, во веки веков,
Береги, Божья Мать, чудачков.

РА-ДАСТЬ

(Египет. Под бетонным курганом хлопца Хеопса)

Чем засеял Ра Расею?
Что Ра жал, когда рожал?
Ра дугу, мостком подвесив
Рать, под Радугой собрал.
Хлопотать, –
хлопать тать.
Доле в цифери играть?!
Спеленали мужика
в лейбаки как в фанты.
На рогатине кишкой
золотые банты.
Навались, Святая Рать, –
повертаем время вспять!
Чудо-юдовых творцов
скалигеровских писцов,
всё одно, тверёз иль пьян,
в Чёрмно-море-окиян.
Потекли по роне Руны,
киммерийцы, скифы, гунны,
и Моголы, и татары, –
все имперские Тартары.
Рей седая борода
Ра Великая Орда!
Ряска хлюпнет
стиснув тину.
Скрипнет крест,
взойдя под спину.
Свистнет Вече:
– В коло-круг!

За спиной-спиною друг.
Копоть кружит кружева.
Русь пока ещё жива.
Ожил Сфинкс
взмахнув крылами.
Рвёт железными когтями
заскорузлую кору
и клоочет: к топору!
Наш посыльный
ветер пыльный.
Девять рун шлёт Перун.
Ну...
– Ату темноту!
Под хоругвями у Ра
грянем грозное
– у-Ра-а!!!

ВОЗ-ВРАЩЁННЫЕ РУНИДЫ

Сны
превращают в пепел сермяжный,
Мир,
заколдованный ложью бумажной.
Руки
в карманах,
Губы
в мозолях,
Чувства
заджинены в аэрозолях.
Память усохла.
Плечи обвисли.
В дезодоранте нуждаются мысли.
Если не снится,
значит, не спится.
Сердится
сердце встревоженной птицей.
Вот бы
проснуться и
улыбнуться,
от услышанного
обескрышенного.

Голосит глас
– Звоните сейчас!
Облучение приучение.
Экранное уркаганное.
Тонны чистейшего телеозона.
Доставка в любые зоны:
военные – патогенные,
курортные – эрогенные...
Из анальных анналов
сточных каналов и чёрных дыр.
Помоем
помоями «ойдодыр».
За качество отвечаем, –
до дыр облучаем.
Орган: «мозги».
Диагноз: «скисли».
Чудо шампунь «Тёмные мысли».
Флакончик пота «Запах работы».
Крылатки-прокладки «Мой нежный вампир»
Кому – чума,

а кому – пир.
Зарплата кровью!
Умри на здоровье.
Мир прекрасен,
ужасен и сир.
Если не спится,
то и не снится.
Сердце

трепещется раненой птицей.
Как бы проснуться и
не свихнуться,
от увиденного
постпредвиденного.
В Землю-матушку
вонзив,
хоботок железный,
извивается вампир:
сколько вам, любезный?
Жаль, природные дары
стерегут лишь комары.
Я бы пил,
да можно спиться.
Я бы спал, – увы,
не спится.
Мне бы кинуться закинуться,
но досрочно не откинуться.
Мне бы броситься отброситься,
но душа
в пенаты просится.
Врывается то и дело
в контейнер-тело,
пугая глазами,
наполненными миражами.

– К Президенту? На приём?
Не в чем.
И потом, о чём?
– Не каждый не может (подумай!),
«быть»
активированным Членом
благодарственной Думы.
– Членом?!
Ответ, соответственно, нет.
Предпочитаю
«не быть»
органом оргазма,

миазменного маразма.
Пока в согласии
с головою
(органом не столь активным,
но менее интимным).

Звезды не падают,
а возвращаются,
туда,
где рождаются.
И цветут в соцветиях,
а не в созвездиях, скопом,
как видится из телескопов.
Ветхое фортепиано
предпочитает piano,
а не forte-музон,
вздыбленный как газон.
– Ученичѐк!
Покаж дневничѐк. Пятѐрки за что?
За незнание?
Похвальное оправдание.
Из небесной канцелярии.
Справка.
Внесена поправка
в уложение «О размножении»:
Совокупляться, впредь, будете в мука?
Рожать – в наслаждении.
Законодатель: Создатель.

Судьба навестила.
Устало спросила, –
всѐ истязаетесь?
Ой, нарываеесья.
Ладошки,
нежные и горячие,
щенками незрячими
заѐрзали по лицу.
– Дети,
дайте поспать отцу!
Обычно к концу
Снится, что спится.
Но,
что там, валяется...
мѐртвою птицей?

ПЕРЕБОР

Ватные ноги –
стыдятся дороги.
Нежные руки –
боятся разлуки.
Голое тело, режет глаза.
Стынет
без ножен, жало ножа.

Беда вальяжно
змеем бумажным
скользит над миром.
Мальчик
мечтает стать банкиром!
Принимают
отделы пропажи,
стариков и детей
как поклажу.
В моде измор.
Сапог сапогу не пара.
Не пойман, – значит, вор.
В своре, свара.
– Как,
шесть материков?
Тревога!
Семёрка – число Бога.
В морге ор,-
нет тары.
Восьмёрка
на колесе Сансары.

Ухабами жизнью
вырваны спицы, –
ода и годы,
лики и лица...
Жизнь или смерть?
Игра или спор?
Всё одно, –
Пе-ре-бор!

СУДОРОГИ ДУХА

Крик немой разорвал на пупке,
Плоть тяжёлого пыльного неба.
Белый камень в плетёной руке,
Стал краюхою чёрного хлеба.
На базаре старушки крестясь,
Продают свои девичьи грёзы.
И не всходят без боли стихи,
И тошнит от рифмованной прозы.

ПРЕЛЫЕ МЫСЛИ

Сто жар-птиц со щенячьим восторгом клюют,
отошавшие за зиму бледные тучи.
Домочадцы сгребли в живописные тучные кучи
мои прелые мысли, наводя во дворе муравьиный уют.
Забреду в океан, закатав рукава и штанины,
мимо жирных медуз, мимо тины-рутины.
Простирну в Мировом всю слащавую пресную сушу...
Но, молитвой, увы, не припудрить истлевшую душу.
Но, увы, уходя, – никуда не прийти,
Без Любви,
Без Мечты,
Без Пути...

ДЕНЬ ВОСЬМОЙ

Днём и ночью кота на цепи,
Стерегут медалисты-собаки
Выдавая права только тем,
Кто усвоил запретные знаки.

Награждаются тени телами,
Так становятся тексты звуками.
Нарекаются бесы богами,
Так становятся звуки муками.

От теории страхов Селье,
Спит старуха в ажурном белье.
И четырнадцать женщине лет,
Стукнет в обед.

По праву – направо, по блату – налево.

Жаль, не пьют комары пиво.
Женщина без мужчины, – дева.
Мужчина без женщины, – диво.

Гружёные дымом подводы,
Усталые талые воды,
И честный, священный обман,
Как розовый жирный туман.

Нет в столице светящихся лиц,
Нет в деревне нудистских пляжей...
Мною писано, в «День восьмой»,
Белой сажей.

Спи, заевшая нота шарманки,
Спать – не знать.
Ты приснись мне похожей на маму, –
Божья Мать.

ТАЙНОЕ НАСЛЕДСТВО

Слово зародилось и об зубы билось.
А я так старался (выпустить боялся)
что оно погибло, задохнувшись в чреве...
Схороню его я в родословном древе.

ЧЕЛОВЕЧЬИ ЗВУКИ РЕЧИ

Опять стихи читаю вслух.
Глухим.
Огонь давно уже потух.
Все спим.

КОНИ СКАЧУТ

Кони скачут по свободе...
...был зачат на огороде.
Кони скачут по свободе...
...разродилась на подводе.

Кони скачут по свободе...
...одевался по погоде.
Кони скачут по свободе...
...был сержантом в третьем взводе.
Кони скачут по свободе...
...всё трудился на заводе.
Кони скачут по свободе...
...с думой главной, о народе.
Кони скачут по свободе...
...выпивали на природе.
Кони скачут по свободе...
...а ведь был не старым вроде.

...Кони скачут по свободе...

ЗОЛОТАЯ ТЕЛЕГА

Под каретою телега, –
супер ига super ego,
(вполз гадючий гад ползучий
шумных дум безумный ум).
Чадо ухнет, Дева ахнет,
небо ладаном запахнет.
Демон денег и чудес
скрозь кольчужку в люда влез.
Сизокрылые гонцы
скалят желтые резцы
из недавнего в давно:
– хлеб из плоти?
– кровь-вино?
И уже не ночки, – ночи.
И уже не строки, – строчки.
В домовину или в дом
семь девчонок тащит гном?
Снесены ума палаты,
дружба требует зарплаты,
нежность ходит на работу,
правда вызывает рвоту...

...терпит совесть поражение,
в тайной битве с отраженьем.

ДАО

ЖИЗНЬ

Ворона с чайкой подружилась.
За солнце тучка заступилась.
На рельсах вырос одуванчик,
И солнечный заплакал зайчик.

Беги как лань, лети как стриж,
Но отчего ты так дрожишь?
Зажгите снег, включите ночь, –
спешу помочь.

Лежать не лень, мечтать не лень,
Душистый сон, цветная тень,
И паутина как плетень,
но нужно смочь.

У кобры вырос зуб молочный,
На саксауле персик сочный,
На простынях мечта уснула,
И смерти старость подмигнула.

Немой «Да здравствует!» сказал,
и пальцем в небо показал.
А за горою свистнул рак
без чувства долга.
Границы приняли "Сезам",
Москва поверила слезам,
Дурак узнал, что он дурак,
И что надолго.

В глазах песок, в кармане дуля.
Жизнь – не раскрытые дела.
Но в пистолет вернулась пуля,
Как в улей мудрая пчела.

Гасите свечи, господа.

Глоток не принесет вреда.
– Руби канаты!
Как всегда, придётся драться.
Ведь "снова" это не "опять",
Гореть – не тлеть, идти – не ждать,
А «жить», не корень
в «проживать» и «разживаться».

Мужская фраза: «Я желаю»,
И слово женское: «Хочу!»,
Придя в конец, начни сначала,
И мне не по, а по плечу

– Стой! – крикнуть в прошлое,
«Не трожь!», – он будет на меня похож.
Назад не вспять, давать не брать,
Пора понять бы:

Что нужно многое успеть,
И долюбить, и догореть,
И эту песню вам допеть,
И... помолчать бы...

ДЕНЬ ВЕЧНОСТИ

ОН, остывая, в вечность отходил...
Я, осознавши это, забубнил:
– Убил, убил...
Запричитал, заголосил...
Но не вернуть. Не воскресить.
И с этим спать... И с этим жить!
Ни оправданий не найти,
Ни от расплаты не уйти.
Укрой мой грех ночная тень,
Прости,
Прощай,
...УБИТЫЙ ДЕНЬ.

СПРОСИ МЕНЯ

О чем ты думаешь бездумно
мечтать, пытаясь без мечты?

Когда не веришь,
в то, что веришь,
что в отражении не ты.
Когда не веришь в то, что сеешь
втыкая хворост в чернозём,
Когда молчим с тобой толпою, –
вдвоем.
Когда не щеку подставляешь,
а к горлу нож.
Когда случайно понимаешь,
зачем живёшь.

ВСЯКИЙ РАЗ

Меня калечат всякий раз
Толпа теней,
Пустыни глаз,
И мох натуженных идей,
И плен бессмысленных речей,
И обещания всех благ,
И результаты пьяных драк,
И объявления войны,
И приговоры без вины...

Но возрождают всякий раз
Одни, из сотни тысяч глаз,
Одна, из сотен тысяч фраз,
В который раз...

И СПРОСИЛ Я У ЗВЕРЕЙ

И спросил я у зверей, –
– Любите ли вы людей?

Насекомые и звери,
Птицы, ящеры и змеи
Стали выть, рычать, шипеть:
– Люди, это плен и смерть:
Цепи, крючья и капканы,
Ямы, стрелы и арканы,
Гарпуны, силки и сети,
Клетки, хомуты и плети,
Живодёрни и загоны,

И охотничьи патроны...

Я учился у зверей,
Я лечился... от людей...

ТАК КАК

Становится
тело желаний,
изношенным телом страданий.
Слова –
превращаются в слезы.
Скупые желания –
в грёзы.
В камень –
кипящая лава.
В позор –
бронзоликая слава.
Сомнения
преследуют тенью.
Несчастья
приводят к прозренью...
Так небо
становится морем.
Так радость
сменяется горем.
Так ели
становятся домом,
А ветер –
раскатистым громом.
Искра,
превращается в пламя.
Тряпица, –
в священное знамя.
Признание –
подобно паденью.
Бесцельность –
обласкана ленью.
Мечту
нарекут прожектёрством,
А гордость,
тщеславным позёрством...
Как выдох становится воем.
Как драка становится боем.
Так близкий
становится дальним,

А жизненный опыт –
печальным

ИНСАЙД

Стою ли я, лежу ли я, бегу ли я –
Вокруг МЕНЯ вращаются планеты,
Луна и солнце,
Зима и лето,
Материки и континенты,
Сообщества и контингента,
Пустыни, стыни, океаны...
...Летят кометы,
Дымят вулканы...

Важны не форма или содержание,
и не материя, и не сознание...
А хромосомоосознание:
Процесс вселенского движения, –
Душекружение.

РИФМОВЕДЫ

Чёрт на чёрном ишаке,
выехал из пропасти,
и Пегасу подменил
крылышки на лопасти.

Не десница, а цена,
строчки множит, память строжит.
Не алафа, а лафа,
совесть гложет, мир итожит.

Чуди-люди не ранимые,
Женят рифмы не любимые.
Город слепит звёзды фарами.
Не летают совы парами.

БИТВА ЛЮБОВЬ

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Случайная встреча, случайные речи,
И мысленно руки ложатся на плечи,
И мысленно губы встречаются друг друга,
И нет заколдованной этого круга.

Но так не бывает, и быть так не может,
Нам случай друг друга найти не поможет,
А может, бывает? А может он есть?
И может, случилось, – случайно ты здесь!?

Случайная встреча, случайные речи,
И мысленно руки ложатся на плечи,
И мысленно губы встречаются друг друга,
И нет заколдованной этого круга.

А Боги, собравшись на звездное вече,
Смеялись над фразой «случайная встреча»,
И ангел летал над тобою и мною,
И от нетерпенья звенел тетивую.

Случайная встреча, случайные речи,
И вот уже руки ложатся на плечи,
И вот уже губы встречаются друг друга,
И нет заколдованной этого круга

Но случай коварен, но случай случаен,
На то он и случай, что не постоянен,
Но только за это его ты прости,
И случай, случайно, наш не упусти...

Случайные встречи, случайные речи...

ОДИН + ОДНА

Холодные пальцы, горячие кресла и полутона,
Кофейный осадок, горящие свечи...
Один... плюс одна.

И след от помады на грани хрустальной затоплен остатком
вина
Пустые вопросы, диктуя ответы –
– себя исчерпали сполна.

Задернуты шторы, и дым сигаретный из глаз вымывает слеза
И автоответчик устал извиняться...
Один... плюс одна.

Мужчина и женщина, комната, случай –
вся формула жутко проста.
Философы спорят, поэты рыдают...
Один... плюс одна.

И правилам странной игры подчиняясь,
Забыв, что любовь не война,
Приспело, два тела, сцепились, слепились...
Один... плюс одна.

МАЙСКИЙ СОН

Первый элемент – Воздух, второй – Огонь, третий – Вода, четвертый – Земля. Пятый элемент – Любовь. А пятый месяц года – май. Следовательно, май – месяц любви.

Майский сон,
Сердца стон:
Я и ты, ты и я, –
Снится мне любовь моя.

Замани меня домой,
Награди меня собой,
Нареки меня скорее,
Новым именем – «Тымой!»

Выну я тебя из сна,
Усажу напротив,
Докажу, что плоть, не плен,
Если ты не против...

Ночь и май,
Сон и я,
Ждём тебя,
Любовь моя.

БИТВА ЛЮБОВЬ

Как неделя не делила
жизнь свою на день и ночь,
(била, тикала, звонила), –
ей никто не мог помочь.
Шла война.
Война любовная,
окаянная, бездуховная.
Беззаконная, удалая,
Заклеймённая, ПОЛовая.
Женский пол и пол мужской, –
ПОЛОВинок жаркий бой.
Рукопашногубоножный.
Вседозволеновозможный.
Сладкотомные томленья, –
крепкочуткий сон без снов.
Отношения – сношенья, –
основание основ.
Прогибание изгибов, –
озверение людей,
Изгибание прогибов, –
облюдение зверей.
Ауру пентаклями расчертили ножки,
Полосится след ногтей,
вдоль хребта дорожками.
Поцелуи дикие,
истерзали губы,
На плече отплечили,
отпечатки зубы.
Жизни яркие свечей,
стынут лужей воска,
Дно рифлёное джакузи,
в доску стало плоским.
Издыханье воздержанья,
задыхание дыханья,

и лица рычащий вздох
в кучервлённый влажный мох.
Запах – пряный хлеб ноздрей,
Плен сосков, по назначенью.
Танец тел, как бой теней.
Крик-дуэт по истеченью...
Муздинамики осипли
от изнежно-нежных нот,
и завсёавтоответчик
отвечалкой изнемог:
– Здесь, вне времени и ритма,
плачет смех, вскипает кровь,
и неделю длится битва,
под названием Любовь.
Ничего о ней не знают,
ни газеты, ни «ТиВи»...
Знать бесславно мы погибнем
через месяц от любви.

ТАИНСТВО ВО ПЛОТИ

Кто они теперь друг для друга, эти голые, набело возвышенно-опустошенные свирепой любовной схваткой люди? Он курит у распахнутого окна. Она, лежа на спине, смотрит сквозь него на звезды. Еще долгий земной час понадобился им, чтобы, наконец, осознать себя по отдельности. – Ты знаешь, – хрипло произнесла она тогда единственную фразу. – Я вдруг поняла, что такое земная ось...

Прозрачные ноздри,
припухлые губы,
дыханье – гроза!

И влажная кожа,
и выдох: «за что же?»
Шальные глаза.

Трепещут ресницы,
любые границы –
– долой!

Блестит подбородок,
нацеленный в небо, –
– домой.

И тонкие пальцы

ногтей не жалея,
сгребают весь мир под себя.

И тело запело,
и тело взлетело –
– до дна!

И мир закружился,
и пусть накренился! –
Есть точки опоры...

– О Боже? – Одна!

ВИРТУАЛЬНЫЙ АЛЬЯНС

Ночь в кармане,
Дождь в стакане,
Под подушкой голова,
Как, засеянные в поле,
Невзошедшие слова.

Как дрова сырые в стужу,
Как в тайге кабриолет,
Твой воздушно-электронный
Обезнеженный привет.

Ни ладонью, ни губами
Не распробовать его,
Не вдохнуть пьянея-млея
От дыханья твоего.

Не сорвать с него одежды
Не упрятать в бороде,
Как не скрыть священной жажды
Окропить себя в тебе.

МЕНГИР

Я на Эрин земле был однажды рожден.

И погиб я однажды под этим дождём,
И под стенами замка затем погребён
Был поспешно, увы, не друзьями.

Ты и битва, – сюжет моей жизни былой.
Меч и розу нанёс я на герб родовой.
Я любил и сражался, и этим дышал,
И мой герб украшал, устрашал, раздражал.

И дружила ладонь с рукоятью меча.
В честь достойных побед возжигалась свеча.
Неприступен мой замок. Дружина верна.
И душистым вином чаша гостя полна.

Ты была королевой турниров и саг,
Мне завидовал друг и гордился мной враг,
Но в поход я ушел, и... понять не могу!
Как поспешно ты пала в объятья к нему.

Я не помню лица твоего палача,
И тех слов, что богам произнёс сгоряча
Ставя камень Менгир в изголовье твоё,
Схоронил я с тобой видно сердце своё...

Сокрушают тараны ворота мои,
Будто лживые фразы твои о любви.
Лязг металла я слышу и крики людей,
– Лошадей из огня выводи! Лошадей!!!

Сотни лет пролетели, как Хорста стрела,
В древний замок судьба меня вновь привела
Я на троне как прежде. Закрою глаза,
И стечёт со свечи золотая слеза.

Вижу пыль на мече и на розе змею
Мной разрубленный герб видеть я не хочу
Вересковую горечь свободы вдохну,
И под арфу забвенья усну...

Вновь трубят на солёном ветру факела,
Время-конь меня мчит, закусив удила

И мелькают столетья пульсацией звёзд,
И становится путь мой, предсказан и прост

Здравствуй, камень Менгир, я к тебе возвращён.
Здесь в жрецы я друидами был посвящён,
На мече с нею здесь, я землёй обручён
И вернуться сюда обречён.

Из горстей стынть-вода охладит мне уста
Тайну ягод приму вновь губами с куста,
И прозрев, разорву паутину времён,
И надеюсь, тобою я буду прощён,

И смертельно себе возвращён...

НАКАНУНЕ ВЧЕРАШНЕГО ЗАВТРА

Время заплутавшее,
не евшее, не спавшее,
под двери потекло.

Ладонями горячими
расплавил ты потное,
незрячее стекло.

Ворвался свежий воздух
в нашу спальню
как куражливый спецназ.

И день, рождённый утром,
не дожив до встречи с вечером,
торжественно погас.

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ПОНЕДЕЛЬНИКОВ НА ДВОИХ

Бездымный порох наших встреч
стал грязью.
Отсырел.

Опять,
спешу на самолет.
Который улетел.

Всё.
Ариадна извела
на кофточки клубки.

Мешают говорить.
С собой.
Короткие гудки.

ЛЮБОВЬ МОЯ

Как первая росинка на рассвете,
Как по ушедшим в вышний мир тоска,
Как первая тропинка на планете,
И как патрон последний у виска.

Как ангелов призывные напевы,
И как последняя затяжка перед боем,
Как первый вдох младенца Матерь девы,
И как прибежище гонимого изгоя.

АЛЛИЛУЙЯ

Окажусь в отместку местным,
я не к месту в тех местах.
Заблужусь в твоих одеждах.
Затворюсь в твоих руках.

Задохнусь в височных прядях.
В жарком шёпоте стомлюсь.
И, наверное, навеки,
в сказку эту запишусь.

Зачерпну в ладони неба.
Уроню глаза к земле.
И покаюсь крошке хлеба.

И верну тебя тебе.

Твои пальцы пахнут небом
Их, целуя, – воспаряюсь.
Твои губы пахнут солнцем
Их, целуя, – обжигаюсь.

Пахнут морем твои плечи,
утопаю их целуя...
...Ну, и что, что погибаю.
Аллилуйя... Аллилуйя!

РАССКАЖИ СЕБЕ МЕНЯ

Готовься к битве в ложе рая,
за то,
что так люблю тебя я.
Запузырилась кожа гладкая,
предошущая...

...П олусладкое,
сандаловые палочки, миндаль...
«За мужество в замужестве» медаль...

Ты Расскажи себе меня, наедине.

За то,
что так хочу тебя я.
И нет у страсти ни конца, ни края,
как мира быть не может на войне...

Ты Расскажи себе меня, наедине.

...Ни бритва лысине,
ни краска седине,
ни Таинство, по первому каналу...

...Мечтай, по крупному, живя помалу...

Ты Расскажи себе, меня, наедине.

ЧЕРНАЯ ГЕОМЕТРИЯ

Не до чёрного неба,
а лишь до книжной полки долетели
твои трусики чёрные, – шедевр изометрии,
зацепившись не за звезду,
а за чёрный учебник по геометрии.

Устав от любви нашей плотской,
чуть-чутьочку скотской,
кажется, спим.
Ты,
с моей вечно не правой рукой.
Я,
под твоей неприличной ногой.

Чтобы представить это
без чертежа или эскиза,
нужен «за грань паспорт»,
чёрно-беглая фотография,
и, конечно же, виза,
в страну геометрического изображения
зарифмованного воображения.

Где квадратное ложе чёрной тени
на бледном полу бодрой спальни,
как Малевич,
намалевал свет с любовью.

Где чёрный треугольник
твоих волос, –
указатель к вратам грёз,
укрывал я горячей ладонью.

Где чёрную линию чулка
на твоём холодном бедре,
я нарушал как чужую границу.

Где чёрную родинку-точку,
я поил умилённо,
как поят губами любимую птицу.

Где в чёрных омотах-эллипсах,
твоих полу прикрытых глаз,
отражаются
чёрные звёзды в профиль и фас.

Где черные изюмины твоих сосков,
продетые сквозь груди-пяльцы,
нежно терзали мои спицы-пальцы...

Вот только жаль,
что не до чёрного неба,
а лишь до книжной полки, долетели
твои трусики чёрные, – шедевр изометрии,
зацепившись не за звезду,

а за чёрный учебник по геометрии.

ВАЖНОЕ ОТВАЖНОЕ

Отважно жизнь гребёт на свет.
Отважно луч летит во тьму.
Отважно ты идёшь ко мне.
Отважно мы бредём по дну,
где чутко спят: любви туман,
святая ложь и грех-обман,
ленивый труд, трудяга лень,
и дымный мир, и звёздный день.

Отважно верит мир словам.
Отважно день встречает ночь.
Отважно тень влюбилась в дым.
Отважно снег укутал дом
и старый пруд, и юный лёд,
и наш бумажный самолёт,
и поленицу мшистых дров
из судеб наших честных слов.

Отважно пуст судьбы карман.
Отважно пьют любовь уста.
Отважно лёг в росу туман.
Отважно падает звезда,
на наш душистый дом из трав,
где вечный спор и каждый прав,
и мудрый лес, наш старый друг
нас обвенчает клятвой рук...
Отважно помнить – жизнь не вечна,
а счастье счастья скоротечно.
Отважно знать. Любить отважно.
А может... это и не важно.

СУХОЙ ТУМАН

Чтобы веки не навеки
укрывал сухой туман,
Чтобы туже обнял души
обольстительный обман,
Ради пиршества – коснуться,
ради радости – вдохнуть...
Не открыв глаза, проснуться.
Не закрыв глаза, уснуть.

Ослепительной темницы
всемогущественный плен.
Неприятные решенья
не решаемых проблем.
Запрещение запретов.
Размноженье пустоты...
Ради роскоши лишенья
перехода с «вы» на «ты».

ОТ МАЯ И ДО НОЯБРЯ

От желто-красных всхлипов ноября,
До камуфляжной зеленухи мая,
Снег укрывается не зря
Стеною ветхого сарая.

От мая и до ноября,
Крутое небо и земля сырая,
Цветы и травы, птицы, дождь, и я...

Но, холода, от ноября до мая.

Как стая голубей слова взлетели.
Душа на них взирает сквозь глазницы.
И почему-то, сны помолодели
И отчего-то, по ночам не спится.

Вновь доверяя буквам душу,
И возвышая в милость мудрость,
Не созидаю к счастью, глупость,
Но, к сожаленью, – и не рушу.

Скрипит перо, как половицы
Как сочный снег, под бодрую ногою
Как твой диван, укрытый полем ситца,
Когда летишь на нем, укывшись мною...

ПОСТ № 1

Ты
мудрее всех живущих.
Я
глупее всех ушедших.
И промежду сумасшедших
мы
старейшие юнцы.

Ты
красивей всех на свете.
Я
красивей всех во мраке.
И у нас
не будет драки,
ни при свете, ни во тьме.

Золотая серединка,
как седая паутинка.
Мы сидим на ней,
обнявшись,
как на каменном мосту.

Не вздремнуть.
Не шелохнуться,
Не сбежать,
Не отвернуться
от любви. В её дозоре
на пожизненном посту.

Сквозь сердца
взираем робко,
на небесные дворцы.
Зная точно, что прописан
не Творец в них, а Творцы.

СВЯЩЕННАЯ КОРОВА

Распогодилась погода.
Зазвенел под утро года
телефонный наш там-там:
– Как ты там?
– А ты как там?

Стенография мыслишек,
хронология делишек,
расписание удач...
Хочешь, смейся,
хочешь, плачь.

Дед Мороз и Баба Стужа
в Зазеркалье стылой лужи
написали наш портрет...
Хочешь, верь.
Не хочешь, - нет.

– Ты пропал!
– Нет, ты пропала!
– Я вернулась из Европы.
– Я вернулся из Непала.

Новый год встречаем снова
ты и я, по одному.
– Мы, – промыкала корова
вместо праведного «му».

Будь Священная корова
и красива и здорова
Ты в Непале не в опале,
Я в Париже, не в престиже...

Обнимающая нега
ослепительного снега
белокрылит дом зимы...
И откуда всем известно,
что не «я» и «ты»,
а МЫ?

ТАЙСКАЯ ОФИЦИАНТКА

С печальными глазами
и сладкими плечами...
Живёт моя фантазия
в Юго-Восточной Азии.

Теперь, (уже не первый год)
я не целую ей живот,
я с ней не нежен и не груб,
я не терзаю её губ... я не терзаю её губ...
Я не был в ней.
Она, – на мне.
(Ну, разве что в чудесном сне)

Меня волнует всякий раз
её служебный парафраз, –
коварный и ранимый:
– Что хочешь, мой любимый?

Сказать? – соски, язык, лобок,
или хотя бы мочку уха...
Но на любви моей замок.
И я прошу... тарелку супа.

СТАНУ, КЕМ ТЫ СКАЖЕШЬ

Свежей строчки не начать,
не поставив точки.
Не взлететь листом сухим,
если не был почкой.

Как не стать с ума сошедшим, —
ум, доселе не обредши,
Так, истока не найти,
если в русло не войти.

Долгошедший, долгожданный,
я явлюсь к тебе нежданно,
И с дороги, на пороге,
сброшу тягостную ношу:

Безнадёжные надежды,
как истлевшие одежды
и бессмысленные мысли,
что беззубо душу грызли...

И однажды, или трижды
(чтобы было всё как в сказке)
Я ударюсь телом оземь,
и слетят личины-маски.

И я стану, кем ты скажешь.
Даже может быть собою,
Если только ты захочешь.
И каким я был, подскажешь

МЕНТАЛЬНЫЕ ОБМЫЛКИ

ЛАЖА

Мужские слёзы в модном баре,
официант подаёт с ломтиком гнева.
– В паре живут только твари, –
объясняла мне старая дева.
Белый негр и младенец с поклажей...
– Откуда они?
– Бесплатно не скажем.
– Сначала водки, потом пива?!
– Экое диво.
– Чем стираешь простыни, псих?
– Я? – Сажей.
– Как называется этот стих?
– Этот? – Лажей!

ВЗРОСЛЫЙ РАЗГОВОР В «ДЕТСКОМ МИРЕ»

– Пап, а правда, бывают пластмассовые Чуди?
– Бывают сынок... И даже люди.

РОДИНА

Мне бы Родину найти,
чтоб с собой не унести...

БЕЗПУТНЫЕ ЗАМЕТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ ПЛАНЕТЫ

Вот я лезу к ней под кофту...
Ух, ты, ах ты, эх ты, ох ты!

ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА

Воздушный змей,
Живёт в воздушном замке
Он одинок, –

Нет ни детей, ни самки
Диагноз змеелёта предсказуем:
«Пристрастие к воздушным поцелуям».

МЫСЛЕИСТОЧЕНИЕ

С трудом тружусь над трудным трудом:
Осмысливая бессмысленный смысл мыслиосмысления.
Ощущаю ощущение отвращения
от вращения
мыслей по измысливанию упрощения их взращения.
Мыслеобрусление мыслеизвержений –
тщание отчаяния, тщение мучений.

МОНОЛОГ ТОБИКА

Откровенно не озон,
люю на английский газон.
Я дворняга, а не сеттер,
Не поссал я, а пометил.
Зашипели пузыри
над земной поверхностью,
Блохи мигом отличат,
чистоту от честности.

ДЕТСКАЯ МЕЧТА

Гранит наук я изгрызу, до основанья!
И отгадаю все(!) загадки мирозданья.
И покорю я, все миры земные
Все люди мира станут мне родными!
И буду жить я – с этими и теми,
и стану я любим везде и всеми.
И явится мне белый маг пречистый...

И джип за всё подарит. Серебристый!

ЧЕРНО-БЕЛАЯ ПУТЕГРАФИЯ

УМОЛИТВА

Господи, не милуй мя!
Грешного, от «а» до «я»...

Разменяй для дурака
На мгновения века,
И позволь их так заполнить,
Чтоб отрадно было вспомнить.

Дай мне время стать мудрее.
Дай нужду, чтоб стать добрее.
Силу дай, в защиту слабым.
Страх, чтоб стать однажды храбрым.

Светлым помыслам во славу,
Отведи корысть-отраву.
Огради от суеты,
Расцвети в душе цветы.

Дай мне день и дай мне ночь,
Топь сомнений превозмочь.
Чтоб в миры миров летать,
Научи смелей мечтать.

Награди душевной болью,
Накажи меня Любовью.
Дабы не был, слеп и глух,
Дай «про» зрение и слух.

Беды отведи от близких
(запиши их на мой счёт).
И по адресу прописки
Не спеши вручать расчёт.

Коль дозволил быть собою

При общении с Тобою,
Уж, за дерзость не карай, –
Дай разок взглянуть на рай.

Путь мне дай, и дай мне шест,
И отправь мя путешест...

ТАМ

И предал я сердце мое тому, чтоб исследовать и испытать мудростию все, что делается под небом. Это тяжелое занятие дал Бог сынам человеческим, чтобы они упражнялись в нем.
/ Екклесиаст/

Я из радуги посох выковал,
И сандалии сплёл из пыли,
Чтоб отведать душе эти небыли,
Преволшебного края дикого.

Где меняют каменья на камни,
И сомненья важнее, чем мнения.
Где не сорят ни дружбой, ни словом,
И людей не зовут населением.

Там, я слушал глазами и сердцем,
И утробу закаливал перцем,
И руками рассказывал сказки,
Переняв красноречье у маски.

Видел я, как в пустыне пингвины,
Мажут солнцем горбатые спины,
И под небом овальным, повально,
Целуются голые пальмы.

И циклопы в махровых долинах,
Ездят в гости на гордых павлинах,
И летают на белых драконах,
Что пасутся в лугах законных.

Там Зелёной Луны император,
Называл меня другом и братом.
Но дворцов золотые пороги
Подстрекали забыть о дороге.

О ПОЛЬЗЕ ЗВУКА (МУЗЫКИ, ШУМА И СЛОВ) ДЛЯ ДРУЗЕЙ И ПРОХОЖИХ, ДЛЯ ДУШИ И КОРОВ

Улыбкой ослабь натяжение нервных шнуров.
Чихнул? – Будь здоров!
Кулак преврати в ладонь, и ладонь расслабь –
Рукоять меча, горяча.
А тот, кто зовет всех идти за собой это друг или враг?
Дурак!
Упавшего не торопи нарушать притяжение земли.
Взлетел? – Так лети!
Молчи, когда все закричат,
и кричи, когда вдруг замолчали вокруг.
Страх – враг или друг?
В любви каждый борется лишь за себя,
(парадокс?) другого любя.
– Стихи или прозу ты пишешь, мой друг?
– Просто звук.
А правильный звук повышает надои коров...
Чихнул?
– Будь здоров!

СОН О СНЕ

Табуниться и таиться – не хочу!
Мне бы Слово – заучу и улечу.
– Эй! –
страшливым и стерильным прокричу,
– Я лечу!

И город сняв с усталых плеч,
Уйти в поля,
Под звезды лечь.
Пройтись,
по Млечному пути, ступая босиком.
И разбудив босой ногой,
лопух, усыпанный росой,
и, перепутав явь со сном,
и, руку ощутив крылом, –
взлететь...

???

Эти вечные допросы,
эти общие вопросы...
С точкой снизу знак-дорога,
от предела до порога,
дай Бог Бога.
Дай Бог Бога...

Как на баб
в порту
матросы,
я охочусь на вопросы.
Не на праздные,
напрасные,
наводящие,
пустые...
На настоящие, –
бодрящие,
густые.
Не рутиную смердящие,
а настоянные на огне.
Не в стойле
рождённые,
а в табунах...

Слушаю! Алло!
Конечно!
Скоро. Крепко. Грубо. Нежно.
Жди.
Люблю!
Я не скрываюсь.
Все, не я! Один. Стараюсь.
Как учил, коленом в пах.
Не забыл.
Стою в дверях...

Звуком звуки отражая,
безответно отвечая,
жму,
киваю,
улыбаюсь,
отвечая, соглашаюсь.
Удивляюсь отвечая.

Огорчаюсь уличая.
Важно! Нужно! Непременно!
Срочно! Точно!
Жизнь мгновенна!
Тише! Громче!
Только вверх!
Никогда!
Ты тоже, – всех.
Нет. Не верю. Не хочу.
С рюкзаком.
Уже лечу.
Жив.
Не плохо.
Ерунда.
Как всегда – спасибо, да.
Рано. Поздно.
Всем привет.
Всё!
Ответов, больше нет.

Кто такой?
О чём мечтаем?
Как живёшь?
Кого читаем?
Руки вымыл?
Что за пьянство?
ФИО?
Возраст?
Пол?
Гражданство?
Где учился?
Чья собака?
Кто по знаку Зодиака?
Где ты был?
Уроки сделал?
Что ты на вокзале делал?
Почему в кармане спички?
Что за вредные привычки?
Группа крови?
Где прописан?
Ордер на кого записан?
Посторонних в доме нет?
Пропуск есть?
Пароль?
Ответ?
Вы участвовали в драке?
Состоите ли вы в браке?
Что кончал?

Сидел?
Служил?
Есть награды?
С кем ты жил?
Вы здоровы?
Как дела?
Ты откуда?
Вы куда?
Сколько должен?
И кому?
Вы не родственник ему?
Огоньку не одолжите?
Телефончик не дадите?
Что там слышно?
Чем докажешь?
Ну и как?
А мне покажешь?
Как назвали?
Платят сколько?
Это мне?
Откуда столько?
Как проехать?
Где ж мне взять?
Вы серьезно?
Ты опять?
Чем обязан?

Как погода?
Много будет там народа?
Как всегда?
До первой крови?
Ты чего нахмурил брови?
Вы за кем?
Ты за кого?
Что ж вы все на одного?
Другом самого вождя?
Там случайно нет дождя?
И почему? Поддать парку?
Может, хочешь наверху?
Не забудешь?
Третьим будешь?
Угадай, в какой руке?
Может к нам?
Мне не звонили?
Видишь, точку вдалеке?
Вы за мною?
Не ошиблись?
Всё готово?

Не ушиблись?
Кто сказал?
Когда начнём?
Кто последний?
Вы о чём?
Что закажем?
Можно Вас?
Будешь пить?
Который час?
Как водичка?
Вы одна?
Сколько метров тут до дна?
Рост?
Размер?
Вы, правда, русский?
Воротник не очень узкий?
Мы встречались?
Где пятно?
Вы не против?
Как давно?
Сколько просят?
На всю ночь?
Разрешите?

Вам помочь?
Вы свободны?
Ты довольна?
Как ты хочешь?
Так не больно?
Вам удобно?
Так приятно?
Мне Вас ждать?
Когда обратно?
Как спалось?
Вам завернуть?
Ты не спишь?
Куда стряхнуть?

Да?
Опять?
Зачем?
Надолго?
А куда впадает Волга?
Где у них тут туалет?
Вам в один конец билет?
Кофе?
Чай?

Когда зарплата?
Вам отдельную палату?
Где ты?
Кто там?
Ну, когда?
Может, хватит?
Навсегда?
Все пришли?
Отсюда видно?
Неужели вам не стыдно?
Сколько можно говорить?
Трудно было позвонить?...
Кто ты?
Быть или не быть?
А тебе не страшно жить?
Дата смерти?
Ты смеёшься?
И чего ты так добьёшься?
Можно рядом?
Ты в своем?
Только я и ты вдвоём?
Как всегда не обернёшься?
Обещаешь что вернёшься?
Не проводишь до порога?
Видишь звёзды?
Веришь в Бога?...

СИНИЕ ИМЕНИНЫ

Синеиневое утро, –
сыпь синкопами синиц!
Подарив мне в синем небе
стаю сотен синих птиц.
Синегубая дружина
царства острова Буяна,
у меня на именинах
из глубин Сень окяна.
Девы – синие чулки,
Сударь – с синей бородой,
Даже мой бокал синильный,
полон сладкой синевои!
Томно сбросил синий лист
Клён, танцующий стриптиз.
Синебокие мурены,
синеокие сирены
пьют сиреневый туман.
Синий вечер плавит свечи...

– Как же я синюшно пьян!

ПРЕОБРАЗЖЕНИЕ

Здесь женщины меня берут за руки: «сээр...»,
Здесь не нужны ни карабин, ни брюки (no problem),
Здесь круглый год цветы благоухают, (ах...),
А фрукты, в самом деле, – ам, – и таают...

Здесь ночь тепла, вода лазурна,
Но стоп! Мне почему-то дурно!

Хочу опять туда, где солнце жарит,
Не ветерок, а ветер бьёт и валит,
Где поедает то, лишь, что добыл,
Чтя формулу: «Я буду, а не был!».

Где доверяешь спине лишь костру,
Где спишь как новобранец на посту,
Где сердце вырывается наружу,
Меняю тень на зной, а зной на стужу.

Адамом, покидая рая кущи,
Покойный день меняю на грядущий,
И жалкий образ, – «Человек лежащий»,
На гордый образ, – «Человек идущий!»

НАУЧИВШИСЬ УЛЫБАТЬСЯ

Звон капли и медалей
Оглушает голой правдой
Как вокзал.

Говорит стекло с железом,
растворяя в чае сахар.
Ритуал.

Опускает столбик воска
будто лифт, – огонь на землю.

Так устроена свеча.

Обещаем стать преградой,
а становимся запрудой.
Сгоряча.

Прошлой жизнью,
не поправить
позапрошлые препошлые дела.

Тянут руки-ветви к небу,
не боясь обжечься солнцем
деревянные тела.

Свет играет в прятки с тенью
Тень лежит в обнимку с ленью.
Чудеса.

Непотребная потребность
выражать словами память.
Словеса.

Собираю зиму в кучу
деревянною лопатой.
Чтобы быть.

Если даже смерть бессмертна,
научившись улыбаться,
стоит жить.

ВОЗ.ВРАЩЕНИЯ

Уриной расписаны стены бетонные,
обоями выборов бренными убраны.
Отёчные лики народных избранников,
алеют тонами партийных предбанников.
Под лозунгом «... ликий советский народ!»
ночлежня-барак, конопля огород...
Наш поезд, – чуть завтра, – сглотнёт нас домой.
Устали, застрявши в «юдали» родной.

Кладбищенский рынок. Пивная. Вокзал.
Матов рулады. Истошный вокал.
Труба минаретом – смердит сигаретой.
Брешущих пусто собак не унять,
как паре почтенных бомжей не понять, –
что завтра, – пришло!

Лямки извечного скарба заплечного
тащим в буфет привокзальный
фатально – индустриальный.
(Взволнован немного инструктор Серёга).
В мозолистой лапе, букетик финальный
свечою пасхальной.
Со щедрой вдовою буфетчицей Леной
они ритуалют прощальную сцену:
– Ну, всё... (до свидания в щёчку) – спешу...
...адрес запомнил, с Москвы напишу...
Пытаясь ответить, успела шепнуть:
У нас хорошо... приезжай отдохнуть...

ЗА ЧАС ДО СНА

День иссяк. Пора собираться, с силой тёмною сражаться.
Сны-кошмары, – вражья рать, – вам меня не запугать.
Серых дум не разглядеть, – чёрных орд не одолеть.
Засыпать, как в бой идти. Но ни войска, ни пути.
Тьма царит над полем битвы. Крест мой меч, а щит – молитва.
Больно, грязно, тесно, душно. Жаль, что тело непослушно.
Мне бы мразь стащить в букет, и под солнышко, – на свет...
Серых дум не разглядеть – чёрных орд не одолеть.
Гнев, тревога и досада, -злачномрачная рассада,
рваной ранюю гниёт, силы зла на пир влечёт.
Душу я свою омою и лазейку к ней прикрою.
Но не время. Не сейчас. Повоюем. Через час.

ТРОПИНКА № 777

Заласканный лучами,
Надушенный кострами,
Травами ухоженный,
Дорогами расхоженный,
Напоенный ветрами,

Расчёсанный хребтами,
Глубинами промерянный,
Пустынями провеянный,
Рекою опоясанный,
Долинами расплясанный,
Туманами укутанный,
Закатами распутанный,
Зарницами всполошенный,
Снегами запорошенный,
Вкруг мира обернулся...
– Ну, здравствуй...
Я вернулся.

АКРОСТИХ

Это было в осеннем лесу.
Листья робко учились летать.
Я вдыхал их предсмертья красу,
Сам, собравшись, к зиме умирать.

У чернявого рыхлого пня,
Навалившись спиной на кору,
Дам себе, вот о чем помечтать, –
А быть может, я... и не умру?

Кем хотел бы я стать? – Добрым сном,
Отраженьем луны в неглиже,
Ветром ярким, весёлым дождём?...
А быть может, я... умер уже?

ГОРЬКИЙ ПАРК ИМЕНИ КУЛЬТУРЫ

Здесь сахарной ваты цветастые тучи.
И фото на пони, и шарик летучий.
В ладошке на память цветные билеты,
И кормит пломбиром асфальт тётя лето.

Здесь души взмывают в железных корзинах
Над пазлами крыш «городов-магазинов»,
Явив свысока наш макет мирозданья,
Опустит нас клетка в беду обитанья.

Качают качели туда и обратно
Вначале отменно, но вскоре отвратно
По кругу сансары скрипят карусели
Одни откружились, другие подсели

СССР – на ракете летящей,
на самолете пропеллер крутящийся,
но совладав с растревоженным духом,
сажусь на лошадку со сломанным ухом.

Вверх-вниз и по кругу, туда и обратно
Ускачем мы с ней в мою жизнь безвозвратно,
Пришпорят лошадку застёжки сандалий, –
...высокие цели, волшебные дали...

И даты как птицы, крича, пролетают,
И лица как листья, шурша, опадают,
На землю, под землю, на небо, за небо
– Стой Сивка! – достаточно зрелищ и хлеба...

Солёные губы пьют сладкие слёзы,
Охота на сны, и рыбалка на грёзы.
Теряем подковы, ослабла подруга,
Ждём правды, дождя, и совета от друга...

Стомлённые жизнью мы в сны убегаем
Ведь там мы бессмертны, и там мы летаем,
И в странных чертогах и в куцах цветущих
Встречаем ушедших как будто живущих.

И сахарной ваты цветастые тучи,
И фото на пони, и шарик летучий.
И пропуском в детство цветные билеты,
А главное... мама и папа, и лето.

ПРЕДПОСЛЕДНЕЕ ШЕСТВИЕ

Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю добрую, в землю, где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор.

Второзаконие, 8, 7.

Ждал я слова у реки.
Сбились в тень мою мальки.
Желтой бабочкой душа
запорхала не спеша.
Тростниковыми ногами
промеряя глубину,
меж седыми валунами
цапля шествует по дну.
Поправляют ивы пряди
в зазеркалье водной глади.
Ветер, притомясь с дороги
с тучки свесил босы ноги.
Сев на тёплый косогор
задремало Время-вор.
Благодать кругом такая...
– Может я в преддверье рая?

АнтиЕкклесиаст

Того, что было, никогда не будет; и что делалось, уже не сделается, и всё под солнцем, всегда впервые.

ОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ

У весны декретный отпуск.
У меня – часок безделья.
Чтоб судьба зазеленела,
я глотнул из фляжки зелья

Умерла зима от холода.
Заболела гриппом осень.
Попросил прийти я лето.
Обещало завтра. В восемь.

УТРО ВЕЧЕРА МУДРЕНЕЕ

Сон – родная смерть в рассрочку
Занимает тела тёплый дом,
И плывет оно сквозь суету былую
Как ковчег, над небом ставшим дном

Чтоб того, что было, не убыло,
И того, что будет, не забыл,
Я усну моложе, чем я буду,
А проснусь мудрее, чем я был.

ГРУБАЯ НЕЖНОСТЬ

Трансформируя в бессмертие
мусор, прах, золу и пыль,
Наряжая правду пресную
в маску-сказку, в платье-быль,

Очаровывая истиной,
ублажая простотой,
полюби Судьбу, как женщину
и возьми её с собой

В светло нежное безмолвие,
В ярко сладкие мечты,
В восхитительное тело
полнотелой пустоты.

ПРИЧИНА СУДЬБЫ

Не достается мудрость по наследству
Необоснованны притензии, –
ни к детству,
ни к родине,
ни к прародителям,
ни к непуте-путеводителям...

Не знает глупость, что глупа,
и от того – неизлечима.
Ведь жизнь,
не следствие судьбы,
а «первоначальная причина».

АНГЕЛ ДОЖДЬ

ДАЖДЬ ДОЖДЬ НАМ ДНЕСЬ

Долг
возвращая собой океанам,
жаждущим поймам,
засушливым странам,
Дождь
воскрешает пожухлые травы.
Дождь
подстрекает детей на забавы.
Дождь
убеляет промокшие ноги.
Дождь
проверяет на прочность дороги.
Дождь
небеса опускает на землю...
Вместе с листвою, речам его внемлю...

– Дажь!
И становится влажным – сухое,
Влажное – мокрым, и полным – пустое.
Мелкое – глубже, глубокое – шире...
В чаше ладоней молящих о Мире.

ЖДЁМ С ДОЖДЁМ

Дождь присел на крышу дома,
пяткой постучал в окно,
и спросил: Виталька дома?
Мы не виделись давно.
– Все бока ручьи намяли
дожидаясь нас с тобой.
Ветер зазывает в дали.
Пыль готова стать травой.
Радуга в лугах созрела
Тётка туча на сносях.
Спят непуганые тени
на задумчивых полях.
Иль дорога, нам не сватья?
Или мы с тобой не братья?

Или нам нужны мосты?
Или... Я уже не ты?

ВЕСЕННЕЙ МУЗЕ

Спитой пиит, туманно выражаясь,
Туманом, задремавшим на крыльце,
С крыльца скрылился, стыло улыбаясь,
Улыбкой-шрамом на седом лице.

С лицом, исхлѣстным цветами.
С цветами, к вожденной даме.
К капризной даме, с рифмами глазами.
С её глазами, полными дождями.

Чтобы с дождями возвращалась память.
Чтоб память эта озарялась светом.
Чтоб светом этим никого не ранить.
Как ранит гром грозу простым ответом.

Чтобы с ответом не тянуть до грома.
Чтобы с грозой не кончался снег.
Чтоб на снежинки разобрать сугробы.
Чтобы сугробы начали свой бег.

АНГЕЛ ДОЖДЬ

Той тропинкой, этим стылым летом,
мы с дождём пришли к друзьям поэтам.
Дождь сказал: поэт не умирает,
при луне, он мёртвым вслух читает,
то, что не успел прочесть живым.

Обезлюдел от людей
и опустел,
Пункт приёма самых мёртвых тел.
Кладбище, где кладези умов,
не земной в земле нашли покров.

Ангел Дождь – хозяин всех потоков,

НАД, копилкой всех земных уроков.
Я, – внизу, – среди крестов и плит,
без свидетелей. Луной дотла облит.

Бог один, но тысяча пророков.
Десять заповедей – тысяча пороков.
Кто, из неужели не живых,
вслух прочтёт нам свой загробный стих?

Дождь сказал, – хотите, я прочту свои?
что бы как-то ночи скоротать,
чтобы верить в прожитые дни
до того, как встретимся опять.

ЖИЗНЬ СПУСТЯ

Цели, еле уцелели.
Одолела скука-сука.
То у звука нету цвета.
То у цвета нету звука.

Жизни три тому назад,
я не жить бы был бы рад.
Жизни две, тому спустя,
я нашёл себе тебя.

После всех чужих рождений,
стал я суммой заблуждений.
После всех своих смертей,
стал я чуточку светлей.

А вчера случилось чудо,
подошел ко мне Иуда,
прикоснулся и сказал:
– Я б тебя поцеловал.

МЕНТАЛЬНЫЙ ТРЕНАЖЁР

Не увижу и поверю,
а поверю и увижу.

Ждать я с детства ненавижу.
Пусть не мало,
но, увы, не много,
поднесла уроков мне дорога:
Что глупец
опаснее дельца,
И что льстец
опаснее глупца.
Что причинно слово,
а не дело.
Что душа болит
больнее тела.
Что шельмец
опаснее чем льстец,
А подлец –
опасней чем свинец.
Детство
ближе к вечности, чем зрелость.
Мужество,
куда смелей, чем смелость.
Что секрет
таит в себе навет.
А ответ
важнее, чем совет.
Ложь –
капканы частных убеждений.
Правда –
сумма общих заблуждений.
Счастье –
оправданье ожиданья,
Жизнь –
короткое с собой свиданье.

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Как из тела вынув душу
море выплюнуло сушу
Наплодила суша туши
на крылах и лапах.
Тварь познала тайну плоти –
вкус её и запах.
Клон Адама дева Ева
расцветила люда Древо.
Древо буйно разрослось...
Тут-то всё и началось.

ПРИМЕТЫ ЖИЗНИ

Вчерашний день прижился на афишах.
Упала улица в объятя к переулку.
Листва от дворников попряталась на крышах.
Собаки вывели хозяев на прогулку.

Клиентка молодильного салона
мечтает поменять лицо на Мальте.
Целители в оранжевых жилетах,
заштопывают раны на асфальте.

Любовь к закату движется без спешки:
умрут от старости девчонки и мальчишки.
Беда и Счастье пиво пьют в кафешке,
тасуя карты судеб, как картишки.

П.ОСВЯЩЕНИЯ

ЧИТАТЕЛЮ

Апанартъ свой – Руниды безУмности,
Томик виршей царя дураков,
Посвящаю, с Великой бездумностью,
Вам – алхимики снящихся СЛОВ.

Знаю, скажет не мудрствуя
всякий мудрец:
Мол, дурацкий колпак, – не монарший венец!
Прав мудрец.
Если только колпак-колпаков
не венчает чело Дурака-дураков.

ГРЁЗЫ О ГРОЗАХ

Моему Учителю Иг-Ив-Ко.

Ну не греет одеяло идеала,
Как не вздрагивают плечи у Предтечи.
Понижает слёзный дождь солёность крови,
Но на месте остаются брови.

Как на месте, остаётся память.
Иногда лишь, пряча чепуху,
Предлагает, будто издеваясь,
То, что завалилось на слуху.

И слагая возраст по мгновеньям,
И читая правду по глазам,
Не пуская человечность в вечность,
Время предъявляет счёт делам.

Ветер ткёт ковры из мятых листьев,
Устилая ими трон зимы.
Стужа белит окна стылой кистью,
А за стёклами, о лете, грезим мы.

ЭПИДЕМИЯ ЛЮБВИ

Художнику Ирине Мащицкой

Облако неведения
ведуница выдохнула.
Из души душистой
Сирин-птица выпорхнула.
Сказко-краско-перезвон:
Рождество. Молитва. Сон.
Звёзд космическое танго,
томный вальс небесных сфер,
ритма вольное дыханье
без границ, весов и мер.
Благовещение красок
предвещает бал без масок.
Как слеза мужицкая,
подпись: И. Мащицкая.
Жнёт туннель реальности
образы фатальности.
Растревоженная доля
нежит марсовое поле.
Тень сомнений слоём гладким,
Запах ненависти сладкой.
Захлебнулись медью трубы, –
«Миром твёрдым, правит грубый».
Дверь стальная, домик снежный, –
«Силой судеб, правит нежный».
Вновь безмолвием пугает
страх – обманщик хрупких душ.
Обнимая, пеленает
в липкий саван жарких стуж.
Там, на острове Буяне
Мать и Сын, Отец и Дочь.
Ветер прячет их в тумане
как Египетская ночь.
В поле судеб дождь с вестями,
соль надежды, сахар грез...
Волны памяти горстями
сыпят жемчуг бабьих слёз.
Ось земная – переправа
в Лукоморье честных слов.
Танец гордого павлина,
Звон копилки ярких снов,
Чувств смятенье,
Дуновенье,

Ветра тень,
Прикосновенье...
Как гадание на лентах,
Как дыхание души,
Как горячее шептанье,
– милый, только не спеши...
Заколдованные краски
кисть судьбы сгоняет в круг,
чтоб явилось, то, что снилось
«потому что!», а не «вдруг».
Ждёт нечаянная встреча
прокуратора с предтечей.
Не творящий сын Отца –
Два начала без конца:
Укротитель тёмных лиц
Запускатель белых птиц.
Шелест вкрадчивых шагов,
Звон серебряных подков,
Золотого дух песка,
Плоть сомнений у виска,
Ноты неба,
Струны сердца,
Поцелуи слаще перца,
Снов священнейший обман
гложет огненный туман.
Единение сердец...

Кто творит, – тот и Творец.

БО Я, – ЧЕЛОВЕК

Фантасту и товарищу Василию Головачёву

Не какой-то посланник, а обычный Создатель,
Ста миров. Сотен судеб. И новых основ.
Истребитель закона. Иступленный писатель.
Засадил поле боя мерной прозою слов.

Бой не вечен, в отличие от суетной жизни.
Ультиматум не повод, а стимул хандрить.
Даже логово Зверя окажется сносным,
Если ты разобрался, КАК, следует жить.

И на кладбище Джинов, Богов и Поэтов,
Зла излом чертит пуля, впорхнувшая в ствол.
Для родных персонажей, откровеньем заветов,
Абсолютный игрок сервирует свой стол.

– Вас не смею пугать, утешать, объясняться
Пусть останусь пред вами в извечном долгу.
Каюсь. Грешен. И должен безложно признаться:
Гарантирую жизнь! А вот смерть...
Смерть, увы, не могу...

КАМБОДИЯ

Дорошенко

С прахом ступа, в два оконца.
Камни, чёрные от солнца.
Тело глиняной реки рядят в сети рыбаки.
Дую тростниковый сок.
Под ногой поёт песок.
Ночь с холодной жарою
вновь исполнит нам с тобою
дивный танец Апсары,
королевской Кхмерской жрицы,
Ни невесты, ни вдовы
Полу-девы, полу-птицы...

Стиснул хобота гофрою
Белый лотос, Белый слон
Льют оранжевые бонзы
с пагоды стеклянный звон.
И отныне, и, покуда,
сладкий дым вдыхает Будда,
Я забуду, кем я буду
Чтобы помнить, чем я был.

ДРУГУ

Андрею Ростозкому

Плечи крепкие,
Ноги быстрые,
Кровь горячая,
Дали чистые,

Девы юные,
Косы гладкие,
Станы гибкие,

Губы сладкие,

Яства пряные,
Кони резвые,
Гости пьяные,
Стражи трезвые,

Книги умные,
Думы думные,
Други верные,
Сны волшебные,

Дело нужное,
Своды прочные,
Слово мудрое,
Меры точные,

Звёзды яркие,
Зори ясные,
Жизнь достойная,
Смерть прекрасная,

Ветер ласковый,
Реки млечные.
Слава добрая...
Память вечная...
/ 02 мая 2002 г./

Друг, – великая награда?
Честь? Достоинство? Заслуга?.

Это пытка испытаньем, –
научится жить без Друга.

/ 14 июня 2002 г. /

СОРКАЗМ ДЕМИУРГА

Устремлённому к истине Михаилу Шихову

На Нептуне идут алмазные дожди,
Они начнутся вскоре на Земле,

Ты их с корзинами глубокими не жди,
В безжизненной они прольются мгле.
До вечности, от кратности мгновений,
От ясных чувств, до смутных ощущений,
От искренних порывов щедроты,
До бездны меркантильной суеты
Прошу покоя, но хочу ли?
Хочу достатка, но ищу ли?
Ищу свободы, но найду ли?...
Ответ найду! Но вот, приму ли?

ФОТО ОХОТА

Эдуарду Пешкову

Консервируя цвет негативом,
Моя ловчая сеть, объективом
Ловит плоские изображения,
Обрекая их на размножение.

И камера моя – машина времени
Как меч при варваре, живет при мне,
Проталкивая бранный мир безвременья
Снаружи – Внутрь – И во вне.

Я не нутром барсеток неприличных,
И не шуршащим золотом наличных,
И не бесплотным золотом кредиток,
Мосток свой тку из виртуальных ниток.

Чтоб не из пошлого вопрошлого,
Следы экзотики простого,
Отправить Правью сквозь столетия,
В Явь настоящего чужого.

ХОТАБЫЧ

Виталию Мащицкому

Звёзды слепы, глухи, немы
Смена дат, не смена темы.
– Без осознанной мечты,
жить, наверно, невозможно.
А с мечтой, – как по нужде, –

терпится, но очень сложно.
– А скажи-ка мне, о, Волька, –
«невозможно!» – это сколько?
Дёрнул волос с бороды,
как и не было нужды...
Имена нам Боги дали,
как десантникам медали.
Жизнь, – ведь по латыни «Vita»?
– За неё!
Вино разлито.
Пот бокала, хрип мангала,
спор поленьев в костровище...
Слово не мешает пище.
Пища утоляет тело. Тело
– лишь доспехи дела.
Дело, – суть и смысл цели...
... Ночь плясала. Угли тлели.
Сосны под гитару пели:
«без друзей жить тоже можно»,
если жить пустопорожно.
Смена лиц – не смена темы:
Главное, – не «где?»,
а «с кем мы?».

НЕДОНОШЕННЫЕ ЖИЗНИ

ПРЕДЧЕЧА

– Это вы сказали, «верю»?
– Счёт за тайную вечерю.
А за явленное чудо,
деньги взял уже Иуда.

Страшно «до», и страшно «после».
Страшно «без», и страшно «возле».
Вверх глаза! Глубокий вдох,
и на выдохе, – мой Боххх...

ВСЕЛИЧНЫЙ ПОТОП

Пеплом холодным напудрилось солнце.
Прячется небо за грязным оконцем.
Мохнатые тучи, как тучные лица.
Усталые боги, как старые птицы.
Унылые песни, угрюмые люди,
усохшие кроны, увядшие груди...

Похмельное время окутало город.
Роскошная лень заползает за ворот.
Умы разжижает тягучий обман.
Сердца охлаждает горячий туман.
Иссох мировой океан пустоты...
И ныне, отныне, во мне только ты.

УТРОБНАЯ МЕЛАНХОЛИЯ «ДУШНОЙ» МАТЕРИИ

Нагота души воздела платье плоти,
и познала голод, немощь, боль и холод.
И пока материя не изнасилась,
выше темечка душа не возносилась.

Боли возжелало тело.

Жизнь судьбу на плоть одела.
Правды дело захотело,
и душа, трудясь, взопрела.

То похмелье от безделья, То отрывка вялой славы, –
Как шампанское без газа, Как кишки остывшей лавы.

То ритмичная икота
(вспоминает видно кто-то)
То для сердца нет работы,
то корячится в три пога...

Я вчера или сегодня
Через миг или века
Не явлюсь, и не убуду
Ни оттуда, ни туда.

МОНО МЕНТАЛЬНОЕ ВСКРЫТИЕ

Давят смрадные повозки
пешеходные полосы.
Нарисованному слову,
верим больше, чем живому.
Первородная тоска
крутит пальцем у виска...
В храмах драмы – парки зоо.
В барах норах – звёзды шоу.
Мамки кошки. Детки мыши.
В тьму распахнутые крыши.
И из глины исполины.
И уха из петуха.
И подсказки умористов, –
где хи-хи! А где ха-ха!...
Раз мужчинка, два мужчинка:
пузо, лысина, ширинка,
корм, диван, футбол, газета,
пиво, геморрой, диета...

Безпедетные клиенты
удаляют рудименты.
Сев у лесополосы,
бреют грудки и усы.
Спорят, – кто отец, кто мама, – двое.

Две. Нет, – дво Адама.
– С дамским днём восьмого марта!
– Дама? – Дама, – это карта?
– Ну, а если я не дам?
– Нарывается, мадам!...
Зацепившись атавизмом
за сухое жизни древо
искушает искуситель
пепси-комой бабку Еву:
– Помнишь, каменная баба,
с мятым фаллосом в руке,
как на первое свиданье
шла с резинкой в кулаке?

На тусовке – драма срама,
сродни маленькой беде.
Презентабельная дама
(при отсутствии биде),
По большой нужде оправясь,
перемазалась бедняга,
проколовши маникюром
туалетную бумагу...
Сеют вирусов посевы
такса-дырчатые девы,
и умнейшие тупицы
из столицы,
и чистейшие засланцы
иностранцы,
и заплечных дел
мордатые трудяги,
и бедняги олигархи
из тюряги,
шайки – хомопопрошайки,
телеелеугадайки,
полупсихоаналитик,
парапсихоахмыритик,
семясуковъжималки,
себясамопожиралки,
елевтелепатриоты,
экстросуперидиоты,
безземельные земляне
и дворняжные дворяне,
и не чтение, а чтиво,
и не титулы, а ксива,
не заслуги, а понты...
Но куранты бьют – кранты!

Полетят снежки из грязи
в пни-колоды на плечах,
и в расчёсы на затылках,
и в затылки на очах...
К счастью, жизнь
бывает сольной.
Вольно жить
бывает больно.
– Эй, народ, признайся честно,
– жить СЛУЧАЙНО – интересно?
Отфутболив глобус боли
бескорыстной ногой,
разверну я своё тело
в направлении Домой.
Колокольная сирена воеет,
– пена, пена, пена...
Зело весело живём,
– что посеём –
то почём?

КРАСНЫЙ ФРЕЙД

Дефлорирован наш разум
жидкоплазмотвёрдым газом:
Миром, сотканным толпою.
Эпитафией чужою.
Правдой недоказанной.
Сплетней перемазанной.
Сверхбезбедности бедою.
Не единою едою.
Фразой, прозой захламлённой.
Строчкой, точкой осквернённой.
Страхом краха красоты.
И величьем пустоты...

Спят под плитами идей
трупы жарких трудодней.
Всё живое режет серп,
не живое крошит молот,
на уделанном гербе,
той страны, где вечный холод.

Где ломают пятаки
за бутылку мужики.
За околицей – край света.

На целковый – два билета.
Жизнь – за глаз. Язык – за ухо.
Коммуналок групповуха.

Демонстрация в цепях...
(корень «демон» или «страх»?)

– Ты почто нахмурил брови?
Флаги наши ярче крови.
Ставят в стойла нас вожди:
– Эй, товарищ! Подожди!
Чтоб в критические дни
вы страдали не одни,
миллиарды с гаком
мы поставим раком.
Шар расколом пополам!
Наше – нам. Полмира вам,
гости иноземные
раскосые да тёмные.

Вспять, от Киевской Руси
до Московской Украины
шли имперские полки:
янычары, сарацины...
«В светлом будущем» туманном
исстари-ческий завет
обещает без обмана
всем в конце туннеля свет.
Так что, бисер не мечи, –
На орала все мечи!
Мир, путём оральным,
станет либеральным.

ГУСИ-ЛЕБЕДИ

Опалённая купина,
паутина, плесень, тина,
безопасная любовь,
и искусственная кровь.

Бесконтактные контакты
интернетовские акты,
чата беспросветного,

чуда контрацептного.

Воздух растаможенный.
Ветер обезноженный.
И бездетные отцы.
И отпетые певцы.

И невиданные виды.
И неслыханные слухи.
И премудрые младенцы.
И прекрасные старухи...

Приклизетные газеты
льют заветные наветы.
Что попало, тянет в рот,
заколдованный народ.

Режут новые настрои,
уз уставшие устои.
Супротив противного
благолепья дивного.

Установленные лица
ограничили границы.
Тверди атомом трясут,
хляби башнями скребут.

Солнце бледное в зените
красит хной седые нити.
Доедает жёлтый снег
нежный снежный человек...

Присолив солёным словом
сладко-гладкий разговор,
отослал свою дружину
к тёткам дядька Черномор.

Бросил Бог в планету камень.
Смок укрыл чело земли.
И излился кровный пламень,
залпом. По команде – пли!...

Сам летает самолёт,
засевая пеплом лёд.
Паровозы возят пар
и едва живой товар.

Бобылинные герои
пьют лечебные настои.
Танки люками звенят...
Гуси-Лебеди летят!

БЕЗ ЛОЖНОЙ ЧЕСТИ

По беспутнейшей пустыне,
по вихляющей тропе,
скачет ложь к бесцельной цели
на хромой босой ноге.
На руках вползает в гору,
на спине гребёт по дну,
с астматической душой
возлежащей на кону,
посреди фольклорных храмов,
и корыстных миражей,
между глянцевого кумиров
среднеполюх типажей.
Посреди роскошных свалок
и уродливых красот,
с милым гадом, вкусным ядом
наСЛОЖЬдается народ.
Эпилогом к предисловию,
не вписав судьбу в сюжет,
унавоженной тропею
не плетись за ложью вслед.
Честь не вносят в номинанты,
в бюллетени и в бюджет,
в наградные формуляры
и в картонный партбилет.
Говорят, – «не догоняет»,
чьё кому, и кто почём.
Честь, «имея», отвечает:
«Я, при прочем, не при чём!»
Ваша, правда, – правда, ваша,
спора не было, и нет, –
я, свою тропинку, торя,
догоняю лишь рассвет.

ЗАЯВЛЕНИЕ В САМЫЙ ВЕРХОВНЫЙ СУД

Наш Верховный командир тот, что создал бранный мир.
Наш не видимый ведомый, наш непознанный кумир,
– не желает с нами знаться, говорить, учить, встречаться.
Этот общий наш Отец распоясался вконец.
Мол, растите, как трава. Мол, горите, как дрова...
Как подкидыши живём, тянем ляжку день за днём.
Как сироты прозябаем, отчество своё не знаем!
Сколько можно? Нет уж! Хватит!
Пусть отныне детям платит...
Изложив все аргументы, подаём на алименты.
Пусть истцам за всё ответит. Обездоленные дети.

МЕГОПОЛИС

Ей – завёрнутого в газету младенца.
Ему – жгут намыленного полотенца.
Той – лежащий на трассе новый ботинок.
Тому – замызганный порноснимок.
Им – мрак неведения хроноведения.
Вам – дар предвидения ненавидения.
Мне – страх предчувствия малочувствия.
Нам – всепрощение воплощения...

* * *

Словно тесный новый ворот
душит горло душный город.
Сниться деве молодой
распиаренный герой.
Разминая всё, что рядом
затонированным взглядом,
щупают глаза длину ноги.
Красота с душой давно враги.

Тут из кожи тараканьей вам стачают
сороходы-мимоходы сапоги.
Здесь Кикиморы в платочках
вам навешают с лоточков

с мухомором пироги.

Там нечестными частями
продаются думки-умки Дурака.
Здесь в бетоне задышается
прокисшая Молочная река.

Примастырят лихо черти
на волшебный, на ковёр самолет
– Без базара! – Скорострельный
чудо-юдо пулемёт.
Шапка-ненавидимка
в сетке маскировочной,
По бутылке на персону,
ориентировочно.

Поле бранное,
Не скатерть самобраная.
Думы Думные,
не всякой вся, разумные.
– С кем Адам за всё ответный
пьёт Агдам ветхозаветный?
– Не темните, Ваша Светлость,
Сколько стоит Ваша честность?

Мягко-яркие обложки,
Пошло-золотые ложки,
Не метённые у совести полы,
Захламлённые у вечности углы...
Пьяный ужин исторгает
манифестом чрево Евы.
Будто карты из колоды
раздаёт листочки Древо:
Ей, ему,
Той, тому...
Словно крестный тесный ворот
душит горло душный город.

P.S.

Чтоб закончить эту строчку,
я купил в рассрочку точку.

Даосские мудрецы **МИНИ ЗДРАВ.** -
ПРЕДУПРЕЖДАЮТ:

«Жизнь вредит вашему здоровью».

В сигарете дым живёт, как во мне душа.
Догорает жизнь-табак, тлея не спеша.
Опадает пеплом день, на вчерашний снег.
Пепел снега не растопит, но оставит след.
След укажет следопыту, что здесь кто-то был...

Кто-то, от кого-то, где-то, снова прикурил.

МАСКА

Прячет лики за личины
суть МАГИЧЕСКОЙ причины.
Боги, демоны и духи заселяются в зверей,
Обретая души,
звери, превращаются в людей.
Скалит морду, корчит рожу
плоть под деревянной кожей.
Бубны, гонги и тамтамы,
танец жадного огня:
день без ночи,
дух без плоти,
плоть без духа,
ночь без дня...
Обладая ликом зверя и божественной душой,
жрец, шаман, ведун, волшебник,
возвращает нас домой
В Вышний мир без тел и масок,
звуков, запахов и красок...
В Мир Великой Пустоты,
где всему причиной –
ТЫ.

ПРИ ЖИЗНИ

Возникают судьбы. Вызревают книги.
Умирают люди, – вот бы им дожить бы,
до того, как люди, судьбы их и книги
оказались вместе в высшей Вышней лиге.

НЕДВИЖИМОСТЬ ДУШИ

Упавшие с ресниц русалки слёзы
в сокрытые слепым туманом плёсы,
Горячее шипение барханов,
как посвист тартарийских атаманов,
И зори чистые, как первые молитвы,
И травы черные, на мёртвом поле битвы,
И злые губы снежной королевы,
вдохнувшие в меня пурги напевы,
И жертвенная чудо-плоть пейота,
И горсть земли, и реки пота,
И горы пепла всех моих костров,
И ржавый звон не видимых оков,
И звонкий посох дедушки Мороза,
изогнутый сомнением вопроса...
Таскаю ВСЁ с собой.
В себе.
Повсюду.

– Доколе?
– А, покуда не убуду.

СМОТРИТЕЛИ ДОРОГ

Шли по стылой водной глади
Плыли по горячей пыли
К вам, – правители тираны
К ним, – пророки и мессии

Мы не демоны, не боги,
А смотрители Дороги,
Просвященные коты
«Тынея» и «Янеты».

Миска-жизнь,
Судьба- сметана,
Ложь
Без сложного обмана...

И доколе не вкусили,

И, покуда, не отняли,
Мы останемся такими
и взалкаем то, что дали.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЧУВСТВА

Спор – праздноумность из вредности.
Деньги – лекарство от бедности.
Слухи – наветы «по дружбе».
Лесть – продвиженье по службе.

Слышите? Набатов зовёт дорога.
(Не разбудить бы уставшего Бога).
Я ещё раз рискну от себя уйти
Может, удастся с ума сойти.

Модели ступают по подиуму
красиво полураздетые.
Оригиналы же ходят по улицам
в чужую кожу одетые.

Мои логограммы во мне рифмонтированы,
Прежде чем во вне экспортированы,
Изнеможённые ментальной диетой,
На подмостках-строчках совсем раздеты.

Концентрируюсь на времени настоящем.
Откровение – ещё не раскаяние.
Душевные болезни безнравственно излечены.
Признание – не покаяние.

А я хочу на небеса,
потому что при жизни их не видел.
Но, наверное, никогда туда не попаду
Потому что не по настоящему ненавидел.

Поэтому, мне страшнее днём, чем детям ночью.
Но не заплачено, не значит не куплено.
Чувствую предчувствие нового чувства,
Пока не притупленного.

ЭПИТАФИЯ

Ныне я: и серый камень, и березки, и трава,
твоя память, строчки эти, и опавшая листва.
– Ты ведь помнишь? – Вижу, помнишь!
Значит, было, всё не зря.
Мы по-прежнему любимы,
и по-прежнему друзья...

P.S.

Ты тут долго не сиди
Улыбнись!
Ну, всё.
Иди...
Мы не здесь, а в вашем сердце,
с солнцем, ветром и дождем
Вы, пожалуйста, живите!
Мы вас любим, но не ждём.

И

Стеклянная мышь и бумажная кошка
В сугробах растят ледяную морошку.
И совы, надев ритуальные маски,
Угукуют им разноцветные сказки

Три ангела голых сидят на карнизах
Как сплетни, они не нуждаются в визах.
И сливки с наливкой бармен мне смешает,
И жизнь нашей смерти совсем не мешает.

И вспухнет закат, будто вечер вскрыл вены
И башни слетают, и рушатся стены
Воспеты пороки и в моде изьяны
И бывшие люди, – опять обезьяны

ЛЮДИ – ПАХНУЩИЕ СОЛНЦЕМ

Сквозь намытое оконце, разомлевшее на солнце,

вижу то, что слышу сердцем, сквозь закрытые глаза
и строкой, душе навстречу, прожигает путь слеза.

Выдохнул я строчки в руки, и к словам прилипли звуки:

Динь-дилинь,- как Ванька-встанька поднялась из пепла
банька.
Гули-гули-гули-гули, – и на кровь слетелись пули.
Цып-цып-цып, – и на дорожке, тень избы на курьих ножках.

Рассупоненный мужик точит ножик, – вжик да вжик...

Звуки запахов наелись,
тени в краски разделись
– Все это не фигня! – дым туману не родня,
сон и обморок не братья, а луна земле не сватья...

За окном трубят парад. Рейтинг будет ему рад.
...люди-тени, люди-слёзы, люди-тайны, люди-грёзы,
люди-фосфорные краски, люди-сны и люди-маски...

– Смерть прекраснейшей снежинки на нечищеном ботинке...
(жаль, что шкура не моя, – перья, мех и чешуя)
– Аллергия на стихи? – Не поверите! – Апчхи!

...люди-пьющие туман, люди-внутренний карман,
полулюди люди-куклы, полукуклы люди-буквы,
люди-цифры, люди-жвачки, люди-всёнараскарячку...

Если осень не оплатит, то весна сполна оплатит,
бочкой дёгтя в день по капле,
ложкой мёда на гарнир,
два твоих больших несчастья, – ноготь сломанный и мир.

Не теперь, а ближе к ночи
распахнем мы створки-очи.
Что за рать там за оконцем?
– ЛЮДИ – ПАХНУЩИЕ СОЛНЦЕМ!